

Научная статья
УДК 347

СПОСОБЫ СОКРЫТИЯ И ВУАЛИРОВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Даниил Романович ВОРОНКИН¹, Иван Денисович КАРАБИН²

^{1,2}Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия

¹ voronkindr@icloud.com

² idkarabin@outlook.com

Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции **Мария Александровна ГРИГОРЬЕВА**, mgrek@inbox.ru

Аннотация. В настоящей статье исследуются проблемные аспекты противодействия коррупционным проявлениям, реализуемым посредством конструкций, имитирующих легальную экономическую деятельность. На основе анализа доктринальных источников и материалов правоприменительной практики автором классифицируются завуалированные способы передачи незаконного вознаграждения, включая маскировку под гражданско-правовые сделки (фиктивный заем, подряд), фиктивное трудовое участие, а также использование сложных многоэтапных схем с участием посредников и институтов офшорного права. Особое внимание уделяется проблеме доказывания умысла на безвозмездность и установления фиктивности легализующего основания. Обосновывается вывод о необходимости совершенствования методики расследования должностных преступлений с акцентом на выявление разрыва между формальным юридическим фактом и фактическими обстоятельствами его исполнения.

Ключевые слова: взяточничество, латентная преступность, завуалированная взятка, криминалистическая маскировка, фиктивная сделка, интеллектуальное посредничество, противодействие расследованию.

VEILED WAYS TO CONCEAL BRIBES: FORENSIC ANALYSIS

Daniil R. VORONKIN, Ivan D. KARABIN²

^{1,2}St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

¹ voronkindr@icloud.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department criminal procedure and criminology St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor, Advisor to Justice **M.A. GRIGORIEVA**, mgrek@inbox.ru

Abstract. This article examines the problematic aspects of countering corruption, implemented through structures that simulate legal economic activity. Based on the analysis of doctrinal sources and materials of law enforcement practice, the author classifies veiled ways of transferring illegal remuneration, including disguising as civil law transactions (fictitious loan, contract), fictitious labor participation, as well as the use of complex multi-stage schemes involving intermediaries and institutions of offshore law. Special attention is paid to the problem of proving intent to be gratuitous and establishing the fictitiousness of the legalizing basis. The author substantiates the conclusion that it is necessary to improve the methods of investigating official offenses with an emphasis on identifying the gap between the formal legal fact and the actual circumstances of its execution.

Keywords: bribery, latent crime, veiled bribery, criminalistic disguise, fictitious transaction, intellectual mediation, opposition to investigation.

Высокая степень латентности взяточничества образует объективную предпосылку, обуславливающую интенсивное применение участниками «коррупционной сделки»¹ приемов противодействия выявлению и расследованию указанных преступлений. Как обоснованно отмечается в специализированной литературе, «получение и дача взятки — наиболее распространенные, но в то же время одни из самых латентных преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» [1, с. 4]. Соотношение между фактическим уровнем коррупционных проявлений, количеством зарегистрированных должностных преступлений и числом реально осужденных лиц, по справедливому замечанию А. Л. Репецкой, составляет «несколько поряд-

¹ Следует иметь в виду, что понятие «коррупционные сделки» не подлежит квалификации в качестве разновидности гражданско-правовых договоров, а имеет нарицательное обозначение для преступлений в виде дачи и получения взятки. Принципиальное отличие коррупционного акта от частноправового деликта заключается в том, что объектом противоправного посягательства здесь выступают не столько отдельные субъективные права, сколько публичные интересы социума в его целостности.

ков», а степень латентности коррупционной преступности признается «максимальной среди всех известных преступлений» [1, с. 4].

Природа указанной латентности носит структурно-сложный характер и не сводится исключительно к взаимной заинтересованности взяткодателя и взяткополучателя в неразглашении факта незаконного вознаграждения. Существенное значение приобретает встроенность коррупционной сделки в опосредованные финансово-хозяйственные операции, имитирующие законную предпринимательскую деятельность. Криминалистический анализ свидетельствует о том, что «конкретные способы передачи незаконного вознаграждения должностному лицу многообразны», что выдвигает задачу их классификации по признакам, «имеющим криминалистическое значение» [2, с. 163]. Наиболее значимым с точки зрения противодействия расследованию признается блок способов, объединяемых понятием завуалированной (скрытой) передачи, при которой «истинные намерения сторон маскируются под внешне законные действия» [2, с. 163].

Латентность взяточничества порождает методологическую необходимость различения двух доктринально и операционально различных феноменов: сокрытия как комплекса действий по устранению следов преступного посягательства и вуалирования как способа придания взаимоотношениям сторон видимости легитимного юридического факта. Указанная дифференциация обладает не только теоретической, но и непосредственно практической значимостью, поскольку определяет содержание поисковой деятельности следователя, тактику производства отдельных следственных действий и предмет назначаемых судебных экспертиз. Без последовательного концептуального разграничения сокрытия и вуалирования методика расследования утрачивает направленность, а правоприменитель оказывается лишен инструментария дифференцированного процессуального доказывания применительно к каждой из двух категорий противодействующих действий.

Под сокрытием взяточничества в криминалистическом смысле надлежит понимать систему действий участников преступления, направленных на устранение, искажение либо недопущение возникновения объективных следов передачи незаконного вознаграждения, при которой правовая природа самого взаимодействия не маскируется под иное правоотношение. Иными словами, сокрытие не создает видимости законности взаимоотношений между взяткодателем и взяткополучателем — оно блокирует саму возможность обнаружения факта таких взаимоотношений правоохранительными органами. В этом и состоит принципиальное отличие сокрытия от вуалирования: первое работает с фактической стороной преступного посягательства, тогда как второе — с его юридической квалификацией.

Первая форма сокрытия связана с использованием бесконтактных каналов передачи незаконного вознаграждения. Наряду с контактной формой (непосредственное вручение) выделяется «бесконтактная форма взятки (например, через почту, путем перечисления денежных средств с использованием обезличенного электронного оборота)» [2, с. 163]. Указанные способы лишают расследование возможности фиксации непосредственного контакта между участниками, существенно усложняют установление лиц, ответственных за совершение операций, и требуют привлечения комплексных методик финансовой и информационно-технической экспертизы. Применение криптовалют, систем дистанционного банковского обслуживания, оформленных на номинальных держателей, а также механизмов международных переводов через юрисдикции с пониженными требованиями к идентификации бенефициара образует современный технологический срез данной формы сокрытия.

Вторая форма сокрытия предполагает использование посреднических звеньев. Вовлечение в коррупционную сделку третьих лиц «в значительной мере обуславливает высокую латентность проявлений коррупции и снижает риск разоблачения взяточников» [2, с. 163], поскольку «возникает

дополнительная необходимость исследования взаимоотношений посредника со взяткодателем и взяткополучателем» [2, с. 163]. При этом в современной доктрине разграничиваются физическое посредничество, охватывающее непосредственную передачу предмета взятки, и интеллектуальное посредничество, под которым понимается «способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении взятки, включая заранее данное обещание принять на временное хранение предмет взятки, совершить действия, направленные на сокрытие такого преступления, и т. п.» [3, с. 126]. Принципиально важным является то обстоятельство, что вовлечение посредников само по себе не создает видимость легальности передачи — оно лишь обеспечивает дистанцию между взяткодателем и взяткополучателем, исключаящую прямое процессуальное установление их контакта. Использование многозвенных цепочек посредников (когда между фактическим взяткодателем и взяткополучателем выстраивается каскад из нескольких передаточных звеньев) образует усложненный вариант данной формы сокрытия, требующий применения методик восстановления полной цепочки движения предмета взятки от источника до конечного получателя.

Третья форма сокрытия связана с применением средств конспиративной коммуникации. Использование защищенных каналов связи, включая «переписку, звонки в программе "WhatsApp"»² и иных социальных сетях, в правоприменительной практике рассматривается как «действия по сокрытию преступных деяний, направленных на получение взятки и посредничество во взяточничестве»³. К указанной форме относится также применение средств шифрованной коммуникации, ведение переговоров с использованием аккаунтов, зарегистрированных на подставных лиц, удаление пере-

² Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 07.06.2022 N 77-2336/2022. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 23.05.2026).

³ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.07.2024 N 77-2090/2024 (УИД 77RS0021-02-2021-001019-48). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 24.05.2026).

писки после фиксации содержания договоренностей, выработка специальной кодовой системы обозначения предмета и параметров. Все приведенные приемы образуют единый комплекс мер, направленный на разрыв доказательственной цепи между фактом сговора и моментом совершения преступления.

Четвертая форма сокрытия охватывает действия по легализации (отмыванию) уже полученных средств и недопущению установления их источника. Как указывается в литературе, «лица, совершающие коррупционные преступления, принимают меры к сокрытию незаконно полученных доходов, что значительно затрудняет исполнение наказания в виде штрафа» [4, с. 100]. Применение трансграничных финансовых операций, дробление сумм на сегменты, не превышающие пороги обязательного контроля, использование номинальных держателей активов, размещение средств в офшорных юрисдикциях с режимом банковской тайны — все приведенные приемы относятся к сокрытию постфактум и направлены не на создание видимости правомерности самой передачи, а на разрыв связи между фактическим бенефициаром и формальным правообладателем имущества.

Сокрытие взяточничества, таким образом, не предполагает построения правовых конструкций, имитирующих легитимные основания передачи и получения предмета взятки. Оно представляет собой систему мер по предотвращению обнаружения факта передачи-получения как такового.

В отличие от сокрытия, ориентированного на устранение следов преступной деятельности, вуалирование предполагает применение таких способов передачи-получения предмета взятки, которые внешне обладают признаками правомерных гражданско-правовых либо трудовых отношений, тогда как, по существу, опосредуют незаконное вознаграждение должностного лица. Криминалистическая характеристика вуалирования определяется не действиями по утаиванию факта, а конструированием юридического основания, легитимирующего передачу предмета взятки. В

литературе констатируется, что в подобных схемах «истинные намерения сторон маскируются под внешне законные действия» [2, с. 163], при этом, как указывается отдельными исследователями, «взятка может даваться в форме предоставления займа, погашения фактически не существующего долга, заключения договора подряда, фиктивного приема на работу, продажи вещи по явно заниженной цене, выплаты завышенного гонорара» [2, с. 163].

Фиктивный договор займа представляет собой одну из исторически наиболее распространенных конструкций вуалирования незаконного вознаграждения. Принципиальная схема состоит в следующем: между взяткодателем и взяткополучателем оформляется договор займа, согласно которому взяткодатель якобы получает от должностного лица денежную сумму в долг. В последующем взяткодатель передает должностному лицу денежные средства, формально оформляемые как возврат полученного займа, тогда как фактически указанные средства образуют предмет взятки. Тем самым, легализующее основание — заемное обязательство — выступает прикрытием для незаконных передачи-получения взятки: должностное лицо, будучи задержанным с денежными средствами, ссылается на их получение в порядке исполнения встречного гражданско-правового обязательства, заявляя, что денежные средства, передаваемые взяткодателем, представляют собой не предмет взятки, а возврат ранее предоставленного должностным лицом взяткодателю займа.

Судебная практика содержит показательные примеры применения указанной конструкции. В Определении Верховного Суда Российской Федерации установлено, что осужденный, «маскируя совершаемые им преступления под гражданско-правовые сделки, составлял фиктивные договоры займа, чтобы в случае задержания уйти от уголовной ответственности»⁴,

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 14.05.2010 N 31-О10-6. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 20.05.2026).

при этом данные договоры в дальнейшем признаны «безденежными», а лица, формально выступавшие заемщиками, отрицали факт получения денежных средств в долг. Указанное обстоятельство имело принципиальное доказательственное значение, поскольку безденежность займа в силу статьи 812 Гражданского кодекса Российской Федерации опровергает само возникновение заемного правоотношения и устраняет последний легитимирующий аргумент защиты. Доказывание безденежности предполагает комплексное исследование финансового состояния номинального заимодавца на дату предполагаемой передачи средств (отсутствие у него легитимных источников соответствующей суммы), исследование платежных документов, свидетельских показаний, а также фактического движения средств по счетам.

Самостоятельную группу способов вуалирования образуют конструкции, связанные с имитацией трудовой либо иной возмездной интеллектуальной деятельности должностного лица. Распространенной разновидностью выступает фиктивное зачисление должностного лица или его близких в штат организации, подконтрольной взяточдателю, без фактического выполнения трудовых обязанностей. Как указывается в литературе, в подобных случаях «должностное лицо за определенное служебное поведение в интересах взяточдателя фиктивно зачисляется на работу в организацию, которой руководит взяточдатель, и получает в качестве взятки заработную плату» [1, с. 52].

Сходный по правовой природе механизм используется при маскировке взятки под выплату завышенного гонорара за якобы оказанные интеллектуальные услуги, в том числе посредством «необоснованного завышения гонорара за прочитанные лекции, опубликованные работы» [1, с. 12]. Иллюстративный материал содержится в Кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации, в котором установлено, что должностное лицо давало «незаконные указания к заключению возмездных до-

говоров на оказание консультационных услуг» при том обстоятельстве, что соответствующие организации «не нуждались в указанных консультационных услугах» и «осознавали фиктивность указанных договорных правоотношений»⁵. Денежные средства, поступившие по таким договорам, «распределялись между собой» участниками коррупционной схемы, причем последние «участвовали при распределении денежных средств, поступивших за фиктивные консультации»⁶.

Доказывание фиктивного характера трудоустройства либо консультационной деятельности предполагает комплексное исследование следующего материала: отсутствия документальных подтверждений фактического исполнения трудовых либо иных функций (табели учета рабочего времени, наряды, отчеты, журналы посещаемости, пропускные журналы); свидетельских показаний сотрудников об отсутствии номинального работника на рабочем месте; результатов анализа движения денежных средств, выявляющего «возврат» выплаченных сумм взяточдателю или их расходование в его интересах; заключения судебно-экономической экспертизы, определяющей соответствие стоимости услуг рыночным показателям; а также при необходимости судебной автороведческой и почерковедческой экспертизы при исследовании отчетов, исполненных не теми лицами, которые формально значатся их авторами.

Самостоятельная форма вуалирования связана с передачей должностному лицу имущественных прав либо оказанием в его пользу услуг имущественного характера на условиях, при которых должностное лицо вносит частичную оплату в размере, заведомо не соответствующем рыночной стоимости предоставленного блага. В литературе подчеркивается, что предметом взятки могут выступать «любые имущественные выгоды, в том числе освобождение его от имущественных обязательств (например,

⁵ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 08.08.2012 N 84-О-12-15. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 20.05.2026).

⁶ Там же.

предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатные либо по заниженной стоимости предоставление туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования, прощение долга или исполнение обязательств перед другими лицами)» [3, с. 8].

Принципиально важно подчеркнуть, что вуалирование в данной группе случаев проявляется именно при наличии формально оформленной возмездности, не соответствующей экономической действительности. Если должностное лицо приобретает у подконтрольной взяточдателю организации туристическую путевку, объект недвижимости либо услугу по строительству или ремонту, уплачивая за нее сумму, существенно меньшую объективной рыночной стоимости, разница между фактически уплаченной и рыночной ценой образует предмет взятки, тогда как формальная возмездная сделка выполняет легитимирующую функцию. В подобной конструкции участники сделки могут ссылаться на правомерность ценообразования (применение скидок, рекламных акций, программ лояльности), что усложняет процессуальное опровержение их позиции.

Если же передача путевки, организация ремонта или строительства осуществляются полностью безвозмездно либо без какого-либо документального оформления возмездности, элемент вуалирования отсутствует — речь идет об обычной форме передачи взятки в виде услуг имущественного характера без построения легитимирующего юридического фасада. Признак вуалирования, таким образом, привязан именно к наличию формально оформленной возмездности при ее несоответствии экономической действительности; маскирующая функция реализуется через имитацию законного товарно-денежного обмена.

Доказательственная база при выявлении данной формы вуалирования включает: товароведческую и оценочную экспертизы (для определения объективной рыночной стоимости имущественного блага); финансово-

аналитическую экспертизу (для установления аффилированности участников и отсутствия экономической целесообразности сделки); сопоставительное исследование цен на аналогичные блага, фактически устанавливавшиеся между независимыми участниками рынка; а также допросы лиц, осведомленных о реальном характере отношений сторон, и анализ внутренней документации продавца (приказы о ценообразовании, прейскуранты, рекламные материалы).

Особую сложность с позиций криминалистического выявления представляют конструкции, сочетающие в себе элементы различных гражданско-правовых институтов и образующие многозвенную легализующую цепочку. К числу таковых может быть отнесена схема, включающая офшорный опцион, пари и эскроу-счет. Механизм ее реализации предполагает, что взяткодатель приобретает у подконтрольного должностному лицу офшорного контрагента опцион на покупку акций по заниженной цене, не имеющий рыночной ценности, далее стороны заключают пари о наступлении заведомо выигрышного для взяткополучателя условия, исполнение по которому обеспечивается через эскроу-счет, передача предмета взятки совершается в момент признания пари выигранным и разблокировки эскроу. Поскольку предметом взятки в доктрине и судебной практике признаются «имущественные права», вытекающие из различного рода обязательств, указанные действия охватываются признаками состава преступления, предусмотренного статьей 290 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Криминалистическое значение приведенной конструкции состоит в том, что каждое отдельное звено цепочки (опцион, пари, эскроу) в изоляции выглядит как правомерная гражданско-правовая сделка, и лишь системный анализ позволяет выявить ее притворный характер. В этой связи противодействие подобным схемам предполагает не последовательное оспаривание каждого звена, а реконструкцию всей цепочки целиком с

установлением единого преступного умысла и единой экономической цели. При этом существенное значение приобретает установление аффилированности всех участников цепочки, выявление отсутствия объективной экономической целесообразности каждого из совершенных действий вне контекста коррупционной схемы, а также квалифицированная оценка соответствия рыночным условиям ценовых параметров опциона и условий пари.

Самостоятельного внимания, в дополнение к классическим формам вуалирования, заслуживает институт публичного обещания награды, регламентированный главой 56 Гражданского кодекса Российской Федерации (статьи 1055–1056). По своей юридической природе публичное обещание награды представляет собой одностороннюю сделку, в силу которой лицо, объявившее публично о выплате денежного вознаграждения или выдаче иной награды тому, кто совершит указанное в объявлении правомерное действие, обязано выплатить обещанную награду. Указанная конструкция обладает значительным криминалистическим потенциалом для использования в качестве механизма вуалирования незаконного вознаграждения должностному лицу, что обуславливает необходимость ее самостоятельно-го доктринального осмысления.

В литературе обращается внимание на то обстоятельство, что «запрет получать вознаграждения от физических и юридических лиц в связи с исполнением должностных обязанностей означает наказуемость любых действий по извлечению доходов, выгод имущественного и иного характера, получению услуг за счет создания коллизии служебных и иных интересов» [6, . 107]. Тем самым легитимирующая функция гражданско-правового института публичного обещания награды утрачивается в той ситуации, в которой предмет обещания фактически совпадает со сферой должностных обязанностей адресата выплаты, а сам объявитель обладает имуществен-

ной заинтересованностью в характере исполнения указанных обязанностей.

Криминалистическая привлекательность института публичного обещания награды для участников коррупционной сделки определяется следующими обстоятельствами.

Во-первых, односторонний характер сделки исключает возникновение классических признаков взаимного встречного предоставления, характерных для двусторонних договорных конструкций (займа, подряда, возмездного оказания услуг), что существенно затрудняет применение традиционной методики оспаривания мнимости либо притворности сделки на основании отсутствия согласованности встречных обязательств. Поскольку публичное обещание награды по своей правовой природе не предполагает встречного предоставления в строгом смысле слова (получатель награды лишь совершает указанное в объявлении действие, не принимая на себя корреспондирующего обязательства), доказывание «фиктивности» подобной сделки требует выработки специфических методологических подходов.

Во-вторых, обращенность объявления к неопределенному кругу лиц создает первичную презумпцию правовой нейтральности и отсутствия персонифицированного преференциального отношения к фактическому получателю награды. В отличие от двустороннего договора, в котором стороны взаимно идентифицированы и юридически связаны, публичное обещание адресовано анонимному множеству потенциальных адресатов, что внешне исключает признаки целенаправленного предоставления имущественной выгоды конкретному должностному лицу.

В-третьих, нормативно установленное условие «совершения правомерного действия» (часть 1 статьи 1055 Гражданского кодекса Российской Федерации) позволяет описывать в качестве предмета обещания такие действия, которые формально находятся в плоскости служебной компетенции

должностного лица либо граничат с ней, не приобретая при этом признаков противоправности на уровне формального описания. Тем самым легитимирующий юридический фасад выстраивается с использованием нормативно одобренного правового инструмента.

Типовая модель использования рассматриваемой конструкции состоит в следующем: лицо, объективно заинтересованное в благоприятном для себя служебном поведении конкретного должностного лица, размещает в средствах массовой информации либо иной публично доступной форме объявление о выплате награды за совершение определенного действия — предоставление сведений, достижение определенного результата, выполнение специфического задания. По факту совершения должностным лицом действия, формально совпадающего с условиями объявления, но, по существу, образующего реализацию его служебных полномочий в интересах объявителя, происходит выплата «награды», легитимируемая как исполнение обязательства, возникшего из публичного обещания. Уголовно-правовая квалификация подобных действий охватывается статьей 290 Уголовного кодекса Российской Федерации, поскольку получаемые должностным лицом средства, несмотря на гражданско-правовую форму их предоставления, по существу, образуют незаконное вознаграждение за служебное поведение.

Криминалистические признаки фиктивности публичного обещания награды, позволяющие установить факт вуалирования, могут быть систематизированы следующим образом:

- узконаправленное содержание условий объявления, объективно исключающее их выполнение иными лицами, кроме конкретного должностного лица (формулировки, отсылающие к специальным познаниям, информации служебного характера либо компетенции, монопольно принадлежащим определенному адресату);

- хронологическое совпадение момента публикации объявления и момента возникновения у объявителя интереса в принятии определенного должностного решения;

- отсутствие у объявителя объективной экономической либо иной правомерной целесообразности в совершении третьим лицом действия, заявленного в объявлении в качестве предмета обещания;

- наличие предшествующих неформальных связей между объявителем и фактическим получателем награды (служебных, родственных, дружеских), не раскрываемых в материалах объявления;

- явная несоразмерность размера обещанной награды объективной ценности действия, заявленного как предмет обещания;

- использование специально учрежденного юридического лица либо посреднической структуры для публикации объявления и осуществления выплаты, что обеспечивает дополнительный «слой» правовой видимости и затрудняет установление действительного бенефициара;

- ограниченность площадки публикации, фактически недоступной для широкой аудитории, при формальном соответствии требованию публичности (например, размещение в малотиражном специализированном издании, не охватываемом обычной информационной средой потенциальных адресатов).

Иллюстративный с позиций криминалистического анализа казус зафиксирован в правоприменительной практике Краснодарского края в 2003–2005 годах. ОАО «Кубаньэнерго», понёсшее в 2004 году финансовый ущерб от несанкционированного потребления электроэнергии в размере около 132 млн. рублей, объявило среди участковых уполномоченных милиции Краснодарского края и Республики Адыгея конкурс «Расхитителей электроэнергии — к ответу», по итогам которого победителям передавались имущественные награды (сертификаты на бытовую технику стоимостью 10 тыс. рублей, компьютеры, автомобили в личное пользование, а в

2005 году — однокомнатная квартира в г. Краснодаре)⁷. Прокуратура Краснодарского края официально рекомендовала отменить выплату наград, квалифицировав конструкцию как «публичное обещание награды милиционерам за то, что они должны делать в силу занимаемой должности», противоречащее Закону «О милиции» Российской Федерации.

Доказывание факта вуалирования в рамках данной конструкции предполагает комплексное исследование: материалов размещения объявления (источники публикации, охват, целевая аудитория, реальная доступность для неопределенного круга лиц); документации, оформляющей выплату «награды» (бухгалтерская и налоговая отчетность объявителя, основания платежа, документы внутреннего согласования); электронной переписки и иной коммуникации, свидетельствующей о согласовании сторонами условий «обращения» к публичному обещанию; деятельности должностного лица в период, непосредственно предшествующий и следующий за моментом объявления; характера и динамики взаимосвязи между сферой коммерческих интересов объявителя и сферой служебных полномочий должностного лица. Установление совокупности приведенных признаков создаст достаточные основания для переквалификации формально гражданско-правового получения «награды» в получение взятки в смысле статьи 290 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В заключении необходимо отметить, что концептуальное разграничение сокрытия и вуалирования взяточничества обладает не только теоретической, но и непосредственно практической значимостью, поскольку определяет содержание методики расследования и предмет процессуального доказывания.

Из вышеизложенного следует, что перспективным направлением противодействия завуалированным формам коррупции выступает совершен-

⁷ Карева А. Суперприз приравняли к взятке // Коммерсантъ. 2005. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/560493> (дата обращения: 10.05.2025).

ствование методики расследования, ориентированной на установление разрыва между формальным юридическим фактом (договор, объявление о публичном обещании награды, трудовое правоотношение) и фактическими обстоятельствами его исполнения. Ключевое значение в этом приобретает проведение комплекса судебных экспертиз — финансово-аналитической, товароведческой, почерковедческой, автороведческой, экономической, — направленных на выявление аффилированности участников, отсутствия экономической целесообразности сделки и несоответствия документально оформленного исполнения реальной деятельности сторон.

В качестве комплементарного инструмента противодействия завуалированным формам коррупционных проявлений в литературе обоснованно указывается на самостоятельное значение гражданско-правовых механизмов изъятия неосновательного обогащения [5, с. 73–74], применимых в случаях недоказанности уголовно-наказуемого деяния. Указанные механизмы расширяют инструментарий правового реагирования на проявления коррупции и обеспечивают восстановление имущественных интересов государства в ситуациях, когда квалификация деяния по статьям 290, 291, 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации затруднена в связи со сложностью конкретной завуалированной конструкции.

Список источников

1. Любавина, М. А. Квалификация взяточничества: конспект лекций / М. А. Любавина. СПб.: СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. 80 с.
2. Криминалистическая классификация способов взяточничества. — СПб., 2019. — С. 162-164.
3. Любавина, М. А. Квалификация взяточничества (ст.ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ) : учебное пособие / М. А. Любавина. — Санкт Петер-

бург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018. — 156 с.

4. Любавина, М. А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 года № 24 с изменениями, внесенными Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 декабря 2013 года № 33 / М. А. Любавина. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. — 104 с.

5. Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. — 231 с.

6. Maksimov, V. Application of Institute of the public promise of the award as civil instrument of encouragement and counteraction of corruption in law-enforcement bodies / V. Maksimov, R. Salicin // Moral potential of the society: reproduction preservation and intensification issues. : 2nd edition: research articles / Science editor: A. Burkov. — San Francisco, California, USA : B&M Publishing, 2015. — P. 105-112.

Информация об авторах

Д.Р. ВОРОНКИН— студент 4 курса.

И.Д. КАРАБИН — студент 4 курса.

Information about authors

I.D. KARABIN — 4 th year student.

D.R. VORONKIN — 4 th year student.